

Мальчик, живущий на подоконнике
зимою в день неземной,
не уходи тропкой робкою, тоненькой
в придуманный лес ледяной.
Это – не правда. Оконная рама
далёко не око чудес,
тебе одиноко, а папа и мама
за этой завесой завес.
Дыши на стекло, пока не истекло
время твоей любви.
К теплу взлетает любое тепло –
словом ему помогай, зови.
И не открывай окно – там вакуум,
там – стужа, ужас, непростая смерть.
Лететь насквозь космическим корабликом
тебе досталось и вперёд смотреть.
Лети себе. Ты приземлишься утром
на зимнюю, но светлую печаль.
Всё так – забвение обращено уютом,
отчаяние превратилось в чай,
а первый твой «скафандр как будто»
пусть будет снова бабушкина шаль.
Ты настоящее моё всегда.
Лицо меняется, но крови не изменишь,
она у нас навек – одна.
Одно отсюда ясно – ты не онемеешь,
мои слова тебе помогут жить
и говорить, напоминая Слово,
которое уже нельзя произносить снова

Смеркается.

За колыбелью колыбель
под тихой песенкой качается,
и на земле,
и под землёй,
и в небесах,
и не кончается,
но нам с тобою в этих лодочках
спокойно плыть не получается.

Где голос тот, что пел
и мил,
а ты молчанием ловил его,
и пил его,
и пил... ?

Ну... что ещё тебе сказать,
родившись и открыв глаза?..

По всей земле перед рассветом
когда-нибудь - смеркается.

Там, где травы правы в том, что они вместе,
там, где ветер верит в себя, потому что я жив,
небеса по земле растекаются
и земные покои – небесны,
я открываю глаза, душу свою обнажив.
Теперь меня ни дать ни взять на все четыре стороны.
Насквозь дышу, насквозь живу, убей-меня-роди!
И там и здесь я был и есть, рождения мои и похороны
все позади, проехали, не жди.

Там, где травы правы в том, что они вместе,
там, где ветер верит в себя, потому что я жив,
расплетаются, переплетаются заново книги явлений,
а книга одна и она у меня внутри,
в доме, где я забылся в книге,
которую Ты создал и дал мне читать...
...я отвожу себя от последней страницы,
Ты улыбаешься мне и предлагаешь чай.

2

Я хранитель несотворённых чудес
и вздоха тонкая обитель.
Я обитатель здешний всех Твоих небес,
читатель Твой и Твой любитель.
Я каждый день придумываю велосипед
и еду прямо по Твоим страницам
домашним существом дорогой насладиться,
продрогшим странником домой успеть.
Я верю – Ты не ось и я не спица
на колесе заветном вечности и мига,
Ты собеседник мой, а мир – да будет птица!
Ни дня без сотворенья птиц!
Ни дня без сотворенья мира!

MINIMUM

Любовь, как минимум!

Отец Небесный, провожая,
в дорогу дал, что б начал ты дорогу,
и путь обрёл, и не замёрз в пути.

Прикосновенный, но – запас.

Любовь, как минимум – начало,
благословенье подорожное
и дар попутный,
и компас внутривенный,
и милый вдохновенный Спас про нас...

.....

А дальше сам.

Ведь если есть Отец,
то есть и Сын,
и Дух Святой,
и воздух этот чуткий
к любви твоей, как минимум в ответ,
и слову твоему,
и робкому ещё дыханью
навстречу ветру ярому и дикому эфиру...

Продли меня!

Продолжи нас!

Вдохни и выдохни!

Спаси и сохрани!

С любви, как минимум, начни

и первый раз,
как в первый раз,
шагни!

Эпиграф: «С той стороны зеркального стекла.» Арсений Тарковский

Мы заштрихованы дождём,
травую высокой,
осокой,
и нами зашифрован дом
туманами и неохотой
быть дома. Если мы не здесь,
мы – вор, мы – грешная бутылка пустая,
вечно голодная слепая стая
без глаз, без мира, без сердец...

Но мы с тобою дома, в мире, в сердце,
и в самом центре жизни и тепла,
и в пламени дрова, и ужин греется,
и книга новая открыться нам смогла...

...а в книге той, с той стороны стекла
оконного, прокладывают реки
свой новый путь в просторные луга,
и в книге той проснулись мы навеки,
и ветер жив, и даль уже светла,
и листьям на деревьях счёта нет,
и смерти нет страницам
блистательных, особых дней,
в которые мы сможем возвратиться,
когда угодно будет ей,
душе безвременно твоей.

Перстень с быстрым небом в медленном окне...
Крылья в холоде, лики в огне –
ангелы вокруг лесного
костра, пожарища земного.
На перекрёстке всех миров
мы ткём ковры из ваших снов.
Не остановится дыхание
и не прервётся нить желанья
пока в орнаменте ковров покровы на крови
несут печать любви.
...сизу в лесу вокруг костра,
и вьётся ниточкой строка...

2

[не прощён]
Сизу в лесу кругом костра
и вьётся ниточкой строка
за неизбежную строкой
в дымок из трубки костровой.
Под шум листвы над головой
я мелкий дождик не миную.
Преодолеет мой покой
и сон, и явь, и тьму земную,
и сон себя, и дрожь себя...
Туманом здесь земля слепа,
не полечу вслепую.
Сизу и греюсь у костра.
Чаяк, дымок от табака
(а вот последняя строка)
и крылья под плащом пока.

НАСТОЙ ИЗ ЛЕТНИХ ТРАВ И НАСТОЯЩЕГО

Запах нагретого солнцем камня после дождя,
дня последний выдох,
тёплый вечер
в сторону костра,
страх, вдох, покой,
и нечем плакать,
и утренние сумерки, когда
слепой туман и спелая вода
на травах пряных
и равных,
как моё и умолчание костра
по ту страницу пламени дыханья,
где отражений нет ни в чём...
... дождь утром в милый сонный дом
куда пишу я книгу без названья,
пишу собой и скоро там проснусь,
открыв глаза дверей и окон
в зелёный чай с дождём на подоконнике.

Ад одиночества и в нём – светает.

Другая тишина открылась и витает.

Я слышу, как все спят:

их голоса во сне, безмолвное дыханье,

и перестук сердец, и крови громоуханье

(как водопад в горах

и – с головы до пят).

Все спят во сне во сны чужие,

как мёртвые, так и живые,

и мысли их сторожевые

их сон да охранят...

А мне что делать?! Как ребёнок

стою и хныкаю спросонок,

проснулся и смотрю

на первобытную, ничем

не замутнённую зарю.

И постигаю воздух,

и не привыкну сразу:

слишком дико,

слишком чисто,

слишком тихо,

слишком здесь,

очень-далеко-не-сон.

ГЕРОЯМ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

"Чёрный ворон, чёрный ворон..."

1

Был я светлый - стал я серый,
светло-серый, но пустой.
Не опознан лик мой стертый
здесь пред смертной суетой.

Мне легко на поле брани!
Знай, руби да подвигай!
Пуля сердце не обрАнит!
Знай, люби да погибай!

Там - я светлый, грязный, бранный,
весь в крови, встречай меня!

Ну, а здесь я безобразный,
никакой, день ото дня...

Светло-серые покОи.
Ветер травы шевелит.
Отдыхают здесь герои.
Мелкий дождик моросит.

2

Чёрный ворон - супервоин
над любой моей войной.
Он один любви достоин -
ждать умеет ворон мой.

Чёрный ворон - компилятор
глаз моих, сердец моих.
Всё-то в них ему приятно,
ятно всё и явно в них.

Кушай, ворон, баю-баю.
Я моё - теперь не я.
Очень скоро я узнаю
то, что съесть никак нельзя.

ОМ да ОМ кругом.
Что ещё здесь петь?
Был когда-то – Омск,
нынче – степь да степь.

Я глазам творю
день и ночь, и дом,
а теперь смотрю
пыль-полынь кругом.

Прохожу насквозь
это городство
детства моего
сердца моего.

Может, я ослеп?
Может, умер я?

Или эту степь
прозреваю зря?
Боже, боже мой,
что же мне ещё?
Вижу – и домой,
зря – и хорошо.

Жить да жить себе,
не переживать.

Во степи небес
легче вздыхать.

Я ли одинок
если я кругом?
Знает один Бог.

ОМ.

Ну, вот,
теперь ты в поезде,
а я на полустанке
с цветами полевыми жду тебя
и знаю точно,
не по циферблату,
когда поЕздом ты
в окошечке вагонном
мелькнёшь...
И всё.
Поезд ушёл.
На остывающие рельсы,
ещё хранящий пульс
железно-дрожный путь
легла роса,
и утренние сумерки укажут
мне путь иной:
от насыпи из гравия – и в лес,
в его родную дрёму,
настоянную хвойную истому,
хранящую мой дом и все ключи от дома,
пречистые прохладные ключи.
Ты знаешь, где они припрятаны.
Молчи.
Букетик полевой и путеводный
на шпалах скользких утром отыщи.
Увидишь лес,
и мне рукой цветочною маши, маши, маши...

...а я увижу тебя и побегу навстречу.

Я мигом замечу тебя и узнаю,
потому что не сплю с тех пор..

[к вопросу о тёмной материи]
Бог мотыльков танцует на вершине
свечи, и дремлет в стеарине
ось мира освещённого кругом.
Примета каждой вещи в доме
ждёт имени себе во мгле и дрёме
ночной. Всё неподвижно, кроме
теней и пламени под сквозняком.
И я бы замер безымянной вещью,
когда б не это божество над свечью;
и я бы стал сплошным зрачком,
когда б не света - окоём.
"Я так один."

(Райнер-Мария Рильке; из стихотв.,нап. на русском языке)

Мне очень очень одиноко,
и одиноко так далёко,
что там уже и тьмы-то нет.
Всё без тебя здесь в одиночку.
Вселенная уходит в точку.
Здесь не любовь выводит строчку,
здесь точка всасывает свет.
"Я так один", - сказал когда-то
я, так один и одноОк,
что вот оно - одно, зрачок
сплошной, ничто, расплата
за звук, за слово, и молчок.
Но вот же ты! Под одеялом
со мною, близко так, что я,
я так с тобой, что даже в малом
в тебе теперь, любовь моя...
О, эта взвесь, туман багровый
над сердцем боли и любви.
Дышу с трудом, и каждый новый
вдох мой купается в крови.
О, Вдох мой - воздух утешенья
тому, что буду выдыхать
тому, кто ровного теченья
любви устал искать и ждать

Прощай, снежинка на ладони,
и здравствуй, капелька воды!
И нет меня, всё это - ты,
слова, ладонь, и дале, доле...
Ты есть - кто это произнёс,
тот начал путь от слёз до звёзд.
Ты есть - кто этим озарён
по-настоящему есть он.
Ты есть и этот ветер вслед,
и не ослеп, когда стал свет.

А в параллельном Омске выпал снег.
Да, первый.
Точно не последний.
Лёг на опавшую листву, как человек
ложится на листву, прибрав колени,
чтоб полежать немного, чтоб прошло,
оттаяло, хотя б на это время.
Но... не оттаяет.

Нет, я не "про что"...

...Что утром во дворе моём светло,
что и ночное небо, и деревья
одно, во двор спадающее мгло,
а мне белеет снег, и мне бело.
Уютно быть от этого беленья.

Душа моя, проснись и выходи во двор.
Моё пальто набрось и выходи.
Продолжим наш вечерний разговор.
И на скамеечке со мной седи.

Из термоса горячее вино парит
в любимых чашках виноградным чаем.
Глоток, другой - и лето не болит,
и утренние сумерки, и первый снег встречаем.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Нежен день.

Безгре... нездешен
божий ветер-тиховей,
никуда себя не денешь
от него и тополей
серебристых, и черешен
в тёплой коже своей
в тонкой полиэтиленке
в людном парке меж людей.

Кеды.
Грязные коленки.
Небо солнечных лучей.

Я опять иду ребёнком
и не думаю о том,
что опять иду ребёнком
не последним летним днём.

ХВОЯ

Ооо! Солнце озаряет лес!

Как долго эта ночь стояла
и ничего не предвещала здесь,
лишь сучьями вокруг трещала.

Теперь, напившийся росы во мху, иду
обратно по своим следам (следам балбеса!).
Я убежал вчера. Не перевозмог беду
и мглу свою отнёс во тьму (во тьму не-леса).

Теперь, пропитанный лучами и теплом насквозь,
несу всё это вспять, я возвращаюсь
вдоль хвои колкой, как по шерсти, вскользь,
смирным я вернусь... и попрощаюсь.

Vertigo, брат! "Глаза в приборы!"
И кончится вся эта круговерть:
и морок суеты, и разговоры
о том, что жизнь в итоге это смерть,
все эти вороватые любви,
предательские дружбы и война,
война от первой до последней крови,
когда уже не важно чья вина...
Закрой глаза.

И снова тишина.

И снова босоногая тропинка,
сосновый бор, блестящая река,
песчаный пляж, где каждая песчинка
неповторима в космосе песка,
и к тишине налипли звуки лета,
и небо с облаками и река
их отражала, и в потоке света
всё замерло, как будто на века,
объёмная картинка вдруг зависла,
пока ресницами ты свет ловил,
тогда впервые мир остановился
(возможно, это ты его остановил!),
ты помнишь?

Ты уже ребёнком был.

Nigredo здесь нисколечко не ново.

Albedo лишь начало из начал.

Но вспомни, как себе давал ты слово
рождаться и любить,
и взял.

ВВЕДЕНИЕ В НАЧАЛЬНУЮ НЕЙРОНАВТИКУ

[омск. ноябрь. парк Победы. серебристый тополь, сорт «омский-1»]

Плывёт. Куда ж нам плыть?

.....

.....

А. С. Пушкин «Осень»

Союз Советских Социалистических Республик
образовал когда-то этот парк.

И я сюда пришёл, бессмысленный, как нулик,
бессмысленно глядеть в сгущающийся мрак:
так зеркало себя не отразит никак
в таком же зеркале, когда их вдруг сомкнули...

И вдруг деревьям, что вокруг – зашелестелось,
и я увидел что листва ещё на них
крепка и зелена, как мне хотелось:
кусочек лета в ноябре, пускай на миг.
И вот оно – я чувствую, я вижу, слышу, вник,
и обретаю целостность, и целость.

Изнанкой серебристой влажно блещет
листва в волнах высоких тополей,
где каждый листик парусом трепещет
на мачтах мачт своих ветвей ветвей
над чёрной палубой земли - Луны полней,
прибой безбрежный и всенощный плещет.

И тот же ветер в синапсах нейронных
сетей вещует и наращивает шум
таких же симфонических неровных,
и бледным юнгой мечется мой ум,

отчаявшийся стать матросом – малышу
хвататься не за что в потоках непокорных:

не знает он, но знать давно обязан,
что капитан здесь – Бог, душа и вдох,
а автор этих строк метафорой привязан
к одной из мачт, и выдыхает в срок.
Остановись же, ум, и трепещи, листок,
под моросейкой ноября умыт и влажен,

и серебрист. И Слава нейронавтам,
безумцам в узнавании миров
внутри себя, по белым-белым картам
себя прокладывающим, вновь и вновь,
туда, где не ступала ещё – ничья любовь,
не рос никто, и не возрос, хоть как-то!!!

Нам предстоит переоткрыть всё заново однажды:
первозначенья слов, которыми полны,
простой воды привет, не утоливший жажды
всё только потому, что мы одной волны,
и до любви доплыть, конечно, должен каждый,
до дома своего, и до своей страны.

Рай (начало и край родной) – это заброшенный сад.
Плоды никто не целует, и они ударяются оземь.
Двое Твоих Изначальных никак не вернуться назад.
Хладнокровные змеи не спеша, перелистывают осень
к зиме. Не дыша, мы осторожно проложим след
по первому снегу, толкнув ворота (уже калитку)
и каждый шаг неземной будет скрипеть, что нет
нам воспрощенья сюда, но мы узнаём тропинку.
Мы упали по ней, уходя, обретая наш мир,
где нет ни числа, ни души, ни покоя, ни проку, ни толку,
а теперь терпеливо восходим домой, тает платье из дыр
(или гнилые сети) и ищем тепла нашему Твоему ребёнку.
Твой дом переполнен предчувствием скоропостижной зимы.
На окнах следы ледяной слепоты и какой-то копоти
(свеча сигнальная догорела на подоконнике возле тьмы),
немые не мы выдыхаем последний пар из ротовой полости...
А дверь творящая отворится, её и не было здесь,
настежь не было – мы узабыли об этом.
Дом открывается нам по имени наших сердец
и разворачивается настоящим и бесконечным летом